

ВОЛЬНОЕ СЛОВО

ЕЖЕНЕДЕЛЬНОЕ ИЗДАНИЕ

ГОДЪ ПЕРВЫЙ.

Prix: 50 centimes.

Вторникъ

11 октября 1881
29 сентября

Отдѣльные номера продаются по 50 сант. въ книжномъ магазинѣ Н. GEORG, Genève, rue de la Corraterie. Телеграммы, письма и корреспонденція въ редакцію адресуются: rédaction du journal «LA PAROLE LIBRE» Poste-restante, Eaux-Vives, Genève. Желющихъ имѣть лично объясненія съ редакціей, просить обращаться по тому же адресу.

СОДЕРЖАНІЕ:

1) Партія террора и организация общественныхъ силъ. — 2) Политика синодальнаго оберъ-прокурора. — 3) Московскій подразумѣніи. — 4) Историческая Польша и великорусская демократія, VII, М. Драгоманова. — 5) Замѣтка о взаимномъ отношеніи нарождающихся и дѣйствующихъ въ Россіи партій. И. И. — 6) Письмо въ редакцію (изъ Москвы), г-на — *овъ*. — 7) Извѣстія и замѣтки: тайныя полицейскіе участки и поднадзорные; новый № «Народной Воли»; аресты; конгрессъ социалистовъ въ Коаръ; арестъ социалистовъ въ Познань по доносцу демократической газеты; кровь и желѣзо; политика петербургскаго правительства по вопросу о выдачѣ социалистовъ-революціонеровъ.

Женева, 11 октября.

Мы получили замѣтку, которую и помѣшаемъ ниже, о состояніи и взаимномъ отношеніи у насъ партій, борющихся за народное освобожденіе. Мы получили эту замѣтку при письмѣ, въ которомъ, между прочимъ, выражено, что „для Россіи теперь важнѣе всего ориентироваться въ средѣ народившихся партій“ и что „безъ знанія и пониманія другъ друга невозможно совмѣстная дѣятельность, а она необходима болѣе, чѣмъ когда либо“. — „Быть можетъ, — говоритъ авторъ, — моя статья послужитъ сигналомъ къ обмѣну мыслей между всѣми честными людьми“. Дай богъ! и да помогутъ силы небесныя всѣмъ честнымъ людямъ не только обмѣняться мыслями, но и *говориться* между собою!

Сговориться нужно не для того, чтобы знать, куда идти, противъ кого или чего направлять борьбу, кому наносить удары и кого щадить. Авторъ замѣтки справедливо полагаетъ, что три наиболѣе выдающіяся у насъ партіи, либераловъ, народниковъ и народолюбцевъ, хотя и различны и того же, стремятся, хотя и различными путями, къ достиженію одной и той же цѣли — къ освобожденію общества и народа изъ подъ гнета правительственнаго произвола. Движимыя однимъ общимъ чувствомъ — ненависти къ полицейскому порядку управленія, воодушевляемые однимъ и тѣмъ же стремленіемъ — водворить правдыя отношенія между правительствомъ и народомъ, обезпечить свободу личности, эти партіи не сходятся вмѣстѣ, а нѣкоторымъ, въ томъ числѣ и автору замѣтки,

кажется даже, что дѣйствуетъ только одна изъ нихъ, именно партія „Народной Воли“ или террористы.

По истинѣ прискорбень разбродъ оппозиционныхъ силъ, а потому и слабость противодействія реакціи.

Хотятъ сгнать въ яму начальственный произволъ, но коль скоро примутся за работу, то напоминаютъ собою басню о лебедѣ, шукѣ и ракѣ: кто тянетъ въ облака, кто въ воду, а кто начинаетъ упираться и пятиться назадъ. Воняетъ о томъ, что чиновничество не рѣжетъ само себя по живому, что верховное правительство не даетъ себя закопать въ землю живьемъ и, словно дѣло какое дѣлаютъ, преспокойно складываютъ руки и протестуютъ, т. е. заявляютъ передъ всѣмъ честнымъ міромъ о своемъ полнѣйшемъ безсиліи.

Иногда дается воля порывамъ озлобленія, которыя безспорно служатъ выраженіемъ революціоннаго протеста, но протестъ не можетъ идти далѣе констатированія факта, выраженный же незначительнымъ меньшинствомъ, онъ не имѣетъ даже значенія факта *сознаннаго* народомъ.

Говорятъ, идти въ народъ по примѣру пропагандистовъ и бунтарей прошлаго десятилѣтія не только безцѣльно, но и невозможно; проводить освободительныя идеи подъ рукою цензурнаго комитета и подъ носомъ у блюстителей порядка, какъ назначаемыхъ отъ правительства, такъ и выборныхъ — также начальство не позволитъ.

Кто не можетъ быть въ народѣ иначе, какъ предпринимая *экскурси* въ народъ, тому нечего трогаться съ мѣста; кто не можетъ писать или говорить иначе, какъ съ дозволенія начальства, тому нечего и браться за перо, нечего и рта раскрыть — такъ порѣшили, и на томъ одинъ успокоились, другіе махнули на народъ рукою и пошли впередъ своею компаніею, своимъ тѣннымъ кружкомъ *мстить* за темный людъ, за зрячее общество, за друзей, за себя самихъ.

Но библейское правило возмездія — око за око, зубъ за зубъ — животворящей силы не создаетъ, правовыхъ отношеній не водворяетъ. Страшно сказать, но надо сказать: бесполезно пролита кровь, без-

полезно на алтарь Немезиды принесены въ жертву молодыя жизни, жизни лучшихъ людей.

Политика мести, запугиванія, революціоннаго террора такая же ошибка, какъ и реакціонный терроръ. Они порождаютъ другъ-друга, другъ-друга поддерживаютъ. Каждая изъ сторонъ, снѣся одержать верхъ, въ измышленіи средствъ борьбы темными орудіями, естественно переходитъ границы справедливаго — что прежде всего должно лежать въ основаніи общественной дѣятельности, — границы человѣчнаго, — безъ чего невозможно привлечь народныя симпатіи, — наконецъ, границы доступнаго для средняго человека идеала нравственности, — безъ чего невозможно рассчитывать на поддержку даже просто честныхъ людей. Не можетъ быть человѣчнаго палача, не можетъ быть честнаго шпиона, во имя чего не производились бы казни, ради чего не совершалось бы предательство.

Борьба, основанная на возмездіи, заводитъ слишкомъ далеко въ сторону отъ освободительныхъ цѣлей. Она прилична деспотамъ, но не революціонерамъ, которые, конечно, могутъ увлекаться временно, что почти неизбежно при сильномъ нравственномъ возбужденіи, поддерживаемомъ преслѣдованіями, но возводить порывы увлеченія въ систему и неуклонно слѣдовать такой системѣ — значитъ отказаться отъ революціонной, т. е. въ сущности организаторской дѣятельности.

Даже въ эпоху наивысшаго возбужденія въ средѣ тайной революціонной организаціи въ Россіи большинство не рѣшалось окончательно выйти изъ народа или ограничить агитацію вербовкой неопытныхъ программъ возмездія и устрашенія. Народники отдѣлились отъ террористовъ, хотя и не оставляли послѣднихъ въ критическія минуты, перѣдко принимая дѣятельное участіе въ ихъ предпріятіяхъ, даже съ теченіемъ времени сами становились террористами единственно по чувству революціоннаго братства и солидарности освободительныхъ стремленій. Однако они сознавали, что только поддерживаютъ *протестъ*, что, благодаря ему, дѣло революціи не тонетъ, но за то и

о распределении богатств стоит не на очереди в России. А крестьянское малоземелье, признанное даже правительством? У нас, говорится в письмах, дѣлится нечего, всё мы бѣдны. Тѣмъ лучше, значить не слишкомъ станутъ противиться обращению индивидуальной собственности въ коллективную. Но авторъ письма, вѣроятно, и самъ знаетъ, что это не совсемъ такъ, что обыкновенно отстаиваютъ даже не имущество, а только право эксплуатировать; онъ, вѣроятно, знаетъ также, что рабочіе на Руси благословенной лишены возможности сплочаться въ союзы для противодействия эксплуататорамъ—это запрещено закономъ. Устранение такого несправедливого порядка вещей развѣ не есть очередная и даже насущная проблема въ России? Къ тому же вопросъ о рабочихъ союзахъ тѣсно связывается съ вопросомъ о лучшей и наибольшей производительности труда, о чемъ и авторъ письма наводитъ своевременнымъ подумать.

ИСТОРИЧЕСКАЯ ПОЛЬША и ВЕЛИКОРУССКАЯ ДЕМОКРАТИЯ. VII.

Бакунины несомнѣнно имѣли значительную долю влияния на уступчивость Герцена польскимъ патріотамъ въ 1862—1863 г., хотя и у самого Бакунина были прежде съ ними разногласія въ такомъ же родѣ, какъ и разногласія Герцена. (См. первую статью Бакунина, напечатанную тотчасъ послѣ его побѣга изъ Сибири: „Русскимъ, польскимъ и всемъ славянскимъ друзьямъ“. Приложение къ „Колоколу“, 15 февр. 1862 г. Выраженные тутъ идеи о польскомъ вопросе такъ похожи на разобранные нами статьи Герцена въ 1859—60 гг., въ нихъ сильныхъ и слабыхъ сторонъ, что намъ бы пришлось повторять сказанное, если бы мы пришли говорить о нихъ.) Но приближение взрыва въ Польшѣ увлекло подвижную натуру Бакунина. Это увлечение прекрасно нарисовано Герценомъ въ статьѣ „М. Б. и польское дѣло“.

Когда Герценъ замѣтилъ, что врядъ ли Потебнѣ и русскому обществу „Земля и Воля“ „по дорогѣ съ поляками“,—Бакунины воскликнули: „По дорогѣ, по дорогѣ! Не сидѣть же намъ вѣчно, сложа руки и рефлектируя. Исторію надо принимать, какъ она представляется, не то всякій разъ будешь за урядъ то назади, то впереди.... Чего жъ ты больше хочешь? Поляки никогда не дѣлали (и) такихъ уступокъ“... (Посм. соч. 187, 193).

Бакунины вѣрили въ возможность воспомоществования крестьянскаго возстанія въ Россіи,—говоритъ Герценъ, вѣрили отчасти и мы; да вѣрло и само правительство.... Б., не слишкомъ останавливаясь на взвѣшиваніи всѣхъ обстоятельствъ, смотрѣлъ на одну дальнюю цѣль и принялъ второй мѣсяцъ беременности за девятый. Онъ увлекалъ не доводами, а желаніемъ. Онъ хотѣлъ вѣрить и вѣрилъ, что Жмудъ и Волга, Донъ и Украина возстанутъ, какъ одинъ человѣкъ, услышавъ о

Варшавѣ; онъ вѣрилъ, что старовѣръ воспользуется католическимъ движеніемъ, чтобы узаконить расколъ“. (Посм. соч. 197). „За возстаніемъ въ Варшавѣ онъ уже видѣлъ свою славную славянскую федерацію, о которой поляки говорили не то съ ужасомъ, не то съ отвращеніемъ; онъ уже видѣлъ красное знамя „Земля и Воля“ развѣвающимся на Уралѣ и на Волгѣ, на Украинѣ и на Кавказѣ, пожалуй, на Зимнемъ Дворцѣ и Петровской крѣпости и торопился какъ нибудь сгладить затрудненія, затушевать противурѣчія (между собою и польскими революціонерами), не выполнить овраги, а бросить черезъ нихъ чортовъ мостъ“. (Тамъ же 199, 200).

Впрочемъ одного личнаго влияния, даже столь сильнаго и столь близкаго человѣка, не было бы достаточно для того, чтобы заставить Герцена уклониться такъ явно отъ того, что онъ еще такъ недавно высказывалъ съ такою силою. Не менѣе Бакунина повліяли на Герцена голоса людей, жившихъ въ Россіи и принадлежавшихъ къ пачавшимъ тогда образовываться тамъ кружкамъ практическихъ революціонеровъ. Между этими кружками выдавалось наиболѣе общество „Земля и Воля“. Стремленія этого общества были болѣе социальныя (надѣлъ крестьянамъ земли), нежели политическія (установленіе въ Россіи конституціоннаго, если не республиканскаго правленія) и оно, уже по этому одному, должно было принципиально сильно расходиться съ тогдашними польскимъ движеніемъ. Принципиальное различіе между великорусскими и польскими революціонерами было тѣмъ болѣе сильно, что въ рядахъ польской революціи стояла не только демократическая партія, но и аристократическая (и обѣ съ клерикалами), изъ которыхъ, конечно, каждая рассчитывала овладѣть движеніемъ исключительно, но которыя все таки пока ладили между собою,—какъ мы видѣли, въ ущербъ даже далеко не крайнимъ демократическимъ интересамъ. Тѣмъ не менѣе оба революціонные лагеря, польскій и великорусскій, попробовали сблизиться между собою для борьбы „единовременной“ и „противъ общаго врага“.

Такія сближенія мы видимъ сплошь и рядомъ въ исторіи. Многимъ они кажутся вполне естественными, особенно для людей „активнаго темперамента“ и для людей „практическихъ“. Мы бы далеко зашли, если бы стали разбирать общій вопросъ о достаточности для политической дѣятельности, въ томъ числѣ и для революціонной, одного такъ называемаго „активнаго темперамента“ и о практичности, особенно для революціонеровъ-новаторовъ, союзовъ, заключаемыхъ единственно или главнымъ образомъ на основаніи единовременности борьбы съ „общимъ врагомъ“. Замѣтимъ только, что союзъ великорусскихъ демократовъ-революціонеровъ съ польскою революціею 1863 г. въ ея цѣломъ, въ томъ числѣ и съ тѣми людьми, которые сами пытались отвращеніе отъ ихъ „нигилистическаго“ образа мыслей и социалистическихъ стремленій, и которые иначе не могли смотрѣть на нихъ, какъ на средство для отвлеченія силъ врага,—и въ своей интимной перепискѣ, ставшей потомъ гласною, называли ихъ „панурговымъ стадомъ“,—не

принесъ практическихъ выгодъ дѣлу великорусскихъ революціонеровъ. Но главное дѣло въ томъ, что во всякомъ политическомъ движеніи есть и теоретическая сторона, которая, при внимательномъ анализѣ, оказывается едва ли не главной, такъ какъ она собственно опредѣляетъ цѣль движенія, вдохновляетъ и даже порождаетъ практиковъ. Эта сторона движенія представляется писателями, которые имѣютъ свою общественную службу и тѣмъ лучше ее исполняютъ, чѣмъ меньше отклоняются отъ своей роли—именно теоретиковъ: неуступчивыхъ, неговорящихъ, непрacticalныхъ людей,—des vrais intransigeants, если говорить моднымъ французскимъ словомъ.

Герценъ, и по личной своей природѣ, и по всему своему прошлому, былъ именно писатель, теоретикъ,—котораго служба состояла въ томъ, чтобы наблюдать факты общественной жизни и говорить о нихъ мысленно, вполне независимо отъ всякихъ частныхъ, переходящихъ практическихъ комбинацій, кружковъ, партій и т. п. — и какъ таковой онъ именно и приобрѣлъ громадное влияние на общественное мнѣніе въ Россіи. Россія же болѣе чѣмъ какая другая страна нуждается въ такихъ чистыхъ, неговорящихъ теоретикахъ, какъ потому что теоретическое политическое образование въ ней скудно и до сихъ поръ, такъ и потому что, въ Россіи, — благодаря отсутствію политической свободы, — не существуетъ возможности для такихъ дѣйствительно практическихъ сдѣлокъ (компромиссовъ), какія заключаются напр. въ Англіи, гдѣ каждая партія, имѣвшая тысячи случаевъ выяснить свои теоретическія основы и цѣли,—входитъ, по требованію обстоятельствъ, съ полнымъ сохраненіемъ этихъ основъ и цѣлей, въ союзъ съ другими партіями на данную минуту, для достиженія рѣзко опредѣленной частной цѣли, — для поверженія ли общаго противника или соперника, или же для проведения опредѣленной мѣры, до которой только и успѣло дорости въ данную минуту среднее общественное мнѣніе. Въ Россіи и до сихъ поръ, а въ 60-ые годы тѣмъ болѣе, едва ли не самые практически полезные люди — были бы именно „непрактическіе теоретики“. Такимъ рожденнымъ теоретикомъ былъ Герценъ. И вдругъ ему, передъ началомъ польскаго возстанія, въ которомъ перепуталось столько практическихъ комбинацій, запутавшихъ своими дѣлами круги отъ „нигилистовъ“ въ Россіи до папы Пія IX и Наполеона III, одни предлагаютъ связать свою судьбу союзомъ съ тайнымъ правительствомъ чужой націи, которое, по ходу дѣла своей націи, ставитъ во главѣ своей то чуть не социалистовъ, то Мѣрславскаго, то Лангевича, то назначаетъ своимъ представителемъ Чарторыйскаго, и мѣстѣ съ тѣмъ Герцену, предлагаютъ „сдѣлаться агентомъ общества „Земля и Воля“, въ которомъ только и было практически-сильного, что самое имя, взятое изъ статьи Огарева въ „Колоколѣ“ же! Изъ „Посмертныхъ Сочиненій“ видно, какъ колебался Герценъ, какъ онъ чувствовалъ несообразность предлагаемыхъ ему ролей съ его природою и положеніемъ, завоеваннымъ его

прежнего чисто-писательского дѣятельностью. *Агентуру* „Земли и Воли“ онъ просто называлъ „глупою“ (Сб. Поем. Соч., 217), — и прямо отказался отъ нея, — но договоръ съ варшавскими делегатами онъ все таки подписалъ, — а это на дѣлѣ свело его на роль „агента“ и варшавскаго тайнаго правительства, и „Земли и Воли“, которая связала свою судьбу и вмѣстѣ съ тѣмъ, на нѣкоторое время, судьбу всего революціоннаго движенія въ Россіи, съ польскою революціею, такъ мало съ нимъ гармонизировавшего и по принципамъ, и по своевременности.

Объ этомъ русскомъ революціонномъ движеніи очень трудно говорить сколько нибудь обстоятельно, такъ какъ оно покажется не оставило по себѣ никакихъ печатныхъ памятниковъ, кромѣ прокламацій, появлявшихся въ то время (1861—1863 гг.) въ Петербургѣ. А потому то, что мы скажемъ сейчасъ объ этомъ движеніи, мы будемъ говорить съ большимъ опасеніемъ ошибиться и будемъ крайне благодарны, если кто поправитъ наши, очень и очень возможные, ошибки.

Если судить о русскомъ революціонномъ движеніи 1861—1863 гг. по печатнымъ прокламаціямъ, то можно сказать, что въ началѣ оно имѣло болѣе народную, менѣе государственную идейную подкладку, чѣмъ въ послѣдствіи. По крайней мѣрѣ въ прокламаціи „Великорусскія“ явно видно отрицаніе едиобразія Россіи и нежеланіе говорить за всю Россію, не только за польскія земли ея, — полную самостоятельность которыхъ „Великорусскія“ признаетъ, но и за украинскія. Вотъ что читаемъ мы во 2 № „Великорусса“.

„Таже самая надобность уничтожить систему вооруженнаго насилія требуетъ, чтобы дана была населенію Южной Руси полная свобода располагать своей судьбой по собственной волѣ. Теперь этотъ народъ еще не могъ высказать своихъ желаній. Но извѣстно, что онъ крайне недоволенъ нашимъ господствомъ. До какихъ бы требованій ни довели это недовольство, мы должны уступить имъ. Если онъ хочетъ отдѣлиться совершенно, пусть отдѣлется. Захочетъ ли онъ этого, мы не знаемъ; да и самъ онъ едва ли рѣшитъ это, при настоящей своей безгласности. Но судя по живому чувству страданія отъ нашего деспотизма, должно ожидать, что при первой возможности подумать о своей судьбѣ, онъ захочетъ отойти отъ насъ. Будемъ готовы и на такое рѣшеніе. Мы, великоруссы, достаточно сильны, чтобы остаться однимъ, имѣя въ себѣ всѣ элементы національнаго могущества.... Вотъ объясненіе имени, носимаго нашею газетою“. (Перепечатано въ „Колоколъ“, 15 окт., 1861 г.)

Прошло не много времени, — и общество „Земли и Воли“, — хотя и болѣе радикальное, чѣмъ „Великорусскія“, по вопросу социальному, стало однакожъ на болѣе государственную точку зрѣнія, подѣливъ имперію Романовыхъ на Россію и Польшу, и предоставивъ въ пользу послѣдней всѣ народы, населяющіе принадлежавшія польскому государству до 1772 г. провинціи. Такое быстрое оставленіе народной точки

зрѣнія на части Россійской имперіи для точки зрѣнія государственной имѣетъ себѣ объясненіе въ общемъ характерѣ политическаго образованія русскаго общества на основѣ московско-петербургской цивилизаціи. Ни школа, ни литература великорусская, — обѣ подначальныя государству, не благоприятствуютъ народной точкѣ зрѣнія, которая бы должна была привести образованныя общества страны къ ученію о федеративномъ ея устройствѣ, — а благоприятствуютъ точкѣ зрѣнія поверхностно государственной, которая приводитъ къ ученіямъ: централистическимъ и сепаратистическимъ, — представляющимъ собственно родныхъ братьевъ. Изъ всѣхъ политическихъ учений народно-федеративное имѣетъ наименѣе представителей въ литературѣ великорусской и наиболѣе туго усвоится русской публикой. Одно время, — тотчасъ по смерти Николая I, — реакція его централизаціи проявилась было довольно сильно учениями, въ родѣ тѣхъ, какія высказывали Герценъ и Бакунинъ, „Великорусскія“ и др., — но эта реакція въ обществѣ была неглубока и непродолжительна. Подъ общими фразами анти-централистическаго свойства детали мыслей остались въ обществѣ все таки централистическими.

Интересно, что наиболѣе горячими представителями децентрализаціоннаго направленія въ русской литературѣ явились въ первые годы правленія Александра II вовсе не публицисты и политики, а историки, этнографы, археологи. Децентрализаціонное ученіе проповѣдывалось не такъ въ журналахъ и политическихъ трактатахъ, какъ съ университетскихъ кафедръ. Представителями его были въ Кіевѣ профессоръ русской исторіи Пл. В. Павловъ (котораго печатныя статьи „О нѣкоторыхъ земскихъ соборахъ XVI—XVII ст.“ и „Тысячелѣтіе Россіи“ не даютъ полнаго понятія о его лекціяхъ) въ Петербургѣ Н. И. Костомаровъ, — объ идеяхъ котораго публика имѣетъ болѣе ясно представленіе благодаря, его рѣдкому литературному таланту, — и въ Казани А. Н. Шаповъ; — замѣчательно всѣ три — помѣты императорской полиціей, что рѣдко случается съ русскими учеными: Костомаровъ былъ въ ссылкѣ съ 1847 по 1857 г., Павловъ съ 1861 по 1866 г., Шаповъ и умеръ въ ссылкѣ. Предполагая мнѣнія Костомарова болѣе или менѣе извѣстными читателямъ и считая этого писателя все таки постороннимъ въ великорусской литературѣ, въ которую онъ вошелъ съ своими украинскими чувствами и учениями, мы остановимся на Шаповѣ, какъ на великоруссѣ, хотя (что тоже не лишено своего значенія) сынъ далекой окраины, тоже по своему казацкой, — сибирякъ, воспитавшемся тоже не въ русскійхъ центрахъ, а въ Казани.

Политическія ученія Шапова характеризуются всего лучше его вступительной лекціей, отрывки изъ которой напечатаны въ мало-распространенномъ изданіи, казанскомъ сборникѣ „Первый шагъ“ (1866). Надѣмся, что читатель не посѣтуетъ на насъ за слишкомъ длинныя выписки:

„Скажу напередъ, — говорилъ казанскій профессоръ: — не съ мыслью о государственности, не съ идеей централизаціи, а съ

идеей народности и областности я вступаю на университетскую кафедру русской исторіи.

„Въ настоящее время, кажется, утвердилось убѣжденіе, что главный фактъ въ исторіи есть самъ народъ, духъ народный, творящій исторію, что сущность и содержаніе исторіи есть жизнь народная. Это убѣжденіе уже не ново; его начали проводить, осуществлять и въ наукѣ русской исторіи. Но вотъ другое начало, которое еще не сознаю ясно въ нашей наукѣ: *начало областности* — позвольте мнѣ его такъ выразить. У насъ доселѣ господствовала въ изложеніи русской исторіи идея централизаціи; развилось даже какое то чрезмѣрное стремленіе къ обобщенію, къ систематизаціи разнообразной областной исторіи; всѣ разнообразныя особенности, направленія и факты провинціальной исторической жизни подводились подъ идею государственнаго развитія...

„... Между тѣмъ, намъ кажется, ни въ одной европейской исторіи такъ не несвойственно, невозможно подобное изложеніе, какъ въ исторіи обширѣйшаго въ свѣтѣ государства русскаго... Областной элементъ былъ самымъ жизненнымъ, господствующимъ началомъ, главнымъ мотивомъ историческаго движенія до централизаціи; онъ выдержалъ энергическую вѣковую борьбу съ соединительной, централизующей силой государства; онъ многозначительно выразился въ *смутное время*, во время этой великой борьбы областныхъ общинъ, проявлялся въ земскихъ соборахъ въ XVII в., сказался въ разнообразныхъ областныхъ бунтахъ, демократическихъ и инородческихъ, надѣлалъ чрезвычайно много хлопотъ правительству въ теченіи всего XVIII и въ началѣ XIX-го столѣтія, — во время этой длинной процедуры учрежденія губерній и провинцій, возбуждая въ либеральныхъ умахъ, въ знаменитое время тайныхъ обществъ, разные планы и проекты относительно конституціоннаго устройства областей и т. д. — и мы, изучая русскую областную исторію, оставляемъ почти безъ вниманія этотъ *областной элементъ*, сколько загадочный, столько же, быть можетъ, *жиздительный, плодотворный элементъ нашей будущей цивилизаціи*...

„Какъ пѣтъ въ Европѣ самаго малаго (вѣрно, опечатка, — вм. большаго), которое бы едва могло равняться съ одною изъ областей Россіи, такъ пѣтъ въ Европѣ народа, который бы отличался такимъ провинціальнымъ этнографическимъ разнообразіемъ, какъ народы, обитающіе въ разныхъ русскіхъ областяхъ. Много ли общаго между малороссійскимъ, бѣлорусскимъ и сибирскимъ народонаселеніями? Много ли общаго между Польшею и Камчаткою, или между Кавказомъ, Архангельской областью и Казанскимъ краемъ и т. д.? А разныя областныя нарѣчія, изъ которыхъ составился особый, цѣльный словарь? А эти характеристическія при словья, которыми такъ мѣтко и согласно съ исторіей характеризуютъ у насъ жители одной области жителей другихъ? А существованію у насъ территориальныхъ окру-

говъ, совершенно независимо отъ округовъ административныхъ, отличныхъ правами жителей, языкомъ, промыслами и т. д.? Все это такъ выразительно, такъ рельефно рисуетъ обширную Россію во всемъ исторически-этнографическомъ разнообразіи ея многочисленныхъ областей,—и въ наукѣ русской исторіи доселѣ не объяснено, отчего образовались такія *областные особенности*, какое опѣ имѣютъ значеніе въ исторіи,—не говоримъ уже о томъ, *какое значеніе онѣ имѣли и могутъ имѣть въ примѣненіи къ государству, къ администраціи, къ народному матеріальному и правленному быту и т. д.* Уже въ первой четверти нынѣшняго столѣтія, не только люди науки, но и лучшіе государственные мужи сознавали и оффиціально высказывали то убѣжденіе, что „должно обращать вниманіе на совокупныя права мпогихъ и великихъ областей, составляющихъ обширную Россійскую имперію, что государство должно вполнѣ соответствовать всѣмъ выгодамъ мѣстнаго положенія различныхъ областей и главному характеру народовъ, населяющихъ эти области“. Если когда, то особенно въ наше время, наукѣ русской исторіи необходимо, существенно необходимо уяснить исторію, духъ, характеръ и этнографическія особенности различныхъ областныхъ массъ народныхъ. И весьма утѣшительно, что въ послѣднее время, кажется, и въ самыхъ провинціяхъ стала пробуждаться потребность самосознанія. По крайней мѣрѣ, отрадное явленіе представляютъ мало по малу возникающіе въ нашей литературѣ областные сборники, историко-статистическія описанія губерній и провинцій и изданія областныхъ актовъ и памятниковъ. *Областные сборники могутъ служить* не только руководствомъ нашего областного самосознанія, но и *органомъ возбужденія въ провинціальныхъ массахъ—идей самосознанія и саморазвитія въ составъ цѣлаго государственнаго союза*“ (Первый шагъ, 407—412).*)

Изъ подчеркнутыхъ нами словъ видно ясно, что Шаповъ думалъ не объ одной только старинѣ, но и о современности, когда излагалъ идеи своей „областности“ (**). И подобныя слова сходили еще,—и то не всегда,—на кафедрахъ,—но не въ печати, особенно не профессорамъ. Уже это одно обстоятельство препятствовало распространенію въ публикѣ идей децентрализаціи въ формѣ федеративной. Проповѣданіе ихъ только съ каедръ историческихъ, главнымъ образомъ по отношенію къ старинѣ, да еще развѣ по поводу языка и литературы,—тоже преимущественно древней, давало и децентрализационнымъ идеямъ археологическій характеръ. Значеніе децентрализаціи для современности, между прочимъ для эко-

номической жизни, оставалось совершенно безъ разъясненія. Это преподаваніе идей политической децентрализаціи только на фаткахъ прошедшаго давало имъ характеръ, мало соответствующій интересамъ современности. Въ прошломъ децентрализація являлась съ крайнимъ проявленіемъ центробѣжныхъ, именно сепаратистическихъ силъ, такъ какъ, что ни говори напр. авторъ „Мыслей о федеративномъ началѣ въ древней Руси“, а въ его „удѣльно вѣчевомъ укладѣ“, собственно союзныхъ началъ было очень мало и они не были представлены никакою организаціей, даже такою, какую мы напр. видимъ въ средневѣковой Германіи. „Земскій миръ“,—въ которомъ такъ заинтересованы массы населенія, отъ этого былъ крайне мало обезпеченъ во время господства на Востокѣ Европы будто бы федеративныхъ отношеній (мы не хотимъ этимъ сказать, что интересы населенія были лучше обезпечены и московской централизаціей: „московская волокита“ стоила удѣльныхъ дракъ). Федералистамъ, которые проповѣдывали свои идеи только въ оболочкѣ фактовъ средняго вѣка, противники всегда могли указать на непригодность для новаго времени архаическихъ отношеній,—что столько разъ и было говорено напр. противъ Костомарова, котораго господствующій въ русской внутренней политикѣ великорусскій партіи записали въ сепаратисты-романтики, какимъ онъ въ дѣйствительности никогда не былъ. Всѣ отреченія Костомарова и другихъ украинскихъ автономистовъ отъ сепаратизма принимались только за лицемеріе и за боязнь открыто заявить свои затаенныя мысли.

Замѣчательно, что почти такъ же относились къ автономнымъ движеніямъ и тѣ изъ великоруссовъ, которые имъ сочувствовали, какъ это можно видѣть на примѣрѣ Герцена, Бакунина, „Великорусса“. Всѣ они говорятъ о неизбежности или возможности „отдѣленія“—Польши, Украины, Бѣлоруссіи и т. д. и спѣшатъ успокоить великорусскую публику, что, и за отдѣленіемъ этихъ областей, Великороссія все таки останется великою и сильною страной съ 40 миллионнымъ населеніемъ. (См. особенно названную выше статью Бакунина при „Колоколѣ“ 15 Февр. 1861). Но отдѣленіе провинцій и распаденіе державъ въ наши времена дѣло нелегкое. Мы это видѣли на примѣрѣ процесса отдѣленія Ломбардо-Венетіи отъ Австріи, для котораго пужно было не только почти поголовное возстаніе жителей провинцій, но и благоприятное вмѣшательство соседнихъ державъ, въ томъ числѣ и не итальянскихъ; мы это видимъ на процессѣ распаденія даже „большой“ Турціи. Массы населенія, даже если въ нихъ крѣпко національно-политическое сознаніе своей особенности, сорокъ разъ подумаютъ, прежде чѣмъ возстанутъ изъ за идеи политическаго сепаратизма. Мы видимъ, что напр. въ Польшѣ массы не возстали ни въ 1831, ни въ 1863 гг. Тѣмъ болѣе не могли онѣ возставать въ Украинѣ, ни въ Литвѣ, ни въ Бѣлоруссіи и т. п. странахъ, въ которыхъ отъ массъ народа отдѣлялись въ особыя національности клас-

сы образованные, естественные теперь выразители всякихъ сознательныхъ политическихъ стремленій. А между тѣмъ напрасно бы мы стали думать, что въ массахъ этихъ странъ нѣтъ вовсе чувствъ и даже сознанія своей національной индивидуальности,—и еще болѣе, что для удовлетворенія ихъ насущныхъ потребностей этимъ странамъ не нужно самоуправленія. Только въ такихъ странахъ автономная идея можетъ имѣть практическое значеніе скорѣе въ видѣ идеи федеративной, чѣмъ сепаратистической.

Но именно федеративная идея и не была разъяснена публикѣ въ Россіи, а потому публика эта даже и въ 60-ые годы понимала собственно только двѣ политическія формы: централизацію и сепаратизмъ,—изъ коихъ послѣдній самъ можетъ имѣть свои централизационныя стремленія. Въ примѣненіи къ западнымъ полосамъ имперіи, русская публика, послѣ нѣкоторыхъ колебаній въ сторону народно-федеральную, стала на томъ, что онѣ должны быть или раздѣлены между Польшей и Россіей (т. е. въ данномъ случаѣ Великороссіей) или же должны оставаться въ полномъ централистическомъ единеніи, конечно, съ преобладаніемъ великороссійскаго элемента, какъ „государственнаго“. Даже люди великорусской политическо-соціальной оппозиціи стали на такой мысли: въ Польшѣ есть движеніе къ отдѣленію отъ Россіи,—слѣдовательно пусть поляки и отдѣлятся даже со всѣмъ тѣмъ, что они считаютъ за Польшу и что мы не привыкли считать за Россію;—въ другихъ земляхъ,—въ Литвѣ, Бѣлоруссіи, Украинѣ и пр. никто не заявляетъ желанія образовывать отдѣльныя государства,—слѣдовательно нечего и говорить объ ихъ индивидуальностяхъ и автономіи. Мы помнимъ, какое неудовольствіе произвело въ 1863 г., въ великороссійскихъ оппозиціонныхъ кругахъ провозглашеніе Костомаровымъ (правда, въ нѣсколько странной формѣ, соответственной библейскимъ вкусамъ старыхъ украинофиловъ) „анафемы тому, кто задумаетъ отдѣленіе Украины отъ Россіи“. Великороссійская оппозиція, которая тогда безразлично сочувствовала польскому возстанію, видя въ немъ прежде всего врага своему надѣвшему противнику,—правительству,—словно, обманулась въ ожиданіяхъ отъ украинскаго движенія,—и съ тѣхъ поръ къ числу противниковъ его изъ катковскаго лагеря прибавились противники изъ лагеря радикальнаго, въ которомъ польскій сепаратизмъ, со всѣми его аристократическими примѣсями, сталъ пользоваться большимъ сочувствіемъ, чѣмъ украинскій федерализмъ, при всемъ его демократизмѣ, сознательномъ и истинно-патриотическомъ. И до сихъ поръ можно встрѣтить въ великорусскихъ радикальныхъ, даже социалистическихъ, сферахъ такое отношеніе къ негосударственнымъ народамъ, поставленнымъ между Польшей и Великороссіей: „а! вы не хотите или не можете составить особыхъ государствъ,—такъ становитесь ли поляками, или русскими (великоруссами) или мы сами подѣлимся вами пополамъ съ поляками!“

М. Драгомановъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

*) Къ стати, неужели польза напечатать полнаго текста этой лекціи Шапова, которую слышавшіе ее и читавшіе ее въ рукописи, признаютъ лучшимъ его произведеніемъ? Да и вообще стыдно, что до сихъ поръ нѣтъ полнаго изданія сочиненій этого замѣчательнаго дѣятеля.

**) Костомаровъ, потертый ссылкой уже раньше, не разъ оговаривался, что онъ говоритъ „о федеральныхъ началахъ“ только примѣнительно къ древней Руси“.